

Ирху

Хан Толуй

(Далёкий)

Шестой очерк

Белореченск - Майкоп
2013 год

Содержание

Содержание	2
Предисловие.....	3
О татарском княжестве	4
В погоне за удачей.....	6
Судьбоносное событие.....	8
1. Промывание костей Чингизхаа.....	8
2. Мария – язва (я-язва)	10
Одна ночь	13
Наказ тёщи.....	14
Каменный маленький остров.....	19
Подготовка к походу на Китай.....	21
План Сорхах-Тани	23
Гибель хана Толуя, Угуль-Гаймиш, хана Батыя и Сорхах-Тани.....	25
Реализация плана Сорхах-Тани.....	27
ПРИЛОЖЕНИЕ	29
Словарь выделенных слов.....	29

Предисловие

В шестом очерке повествуется о татарском хане Субдэе с момента выезда на задание завоевать Китай до даты гибели его второго сына хана Хубилая, осуществившего эту мечту Бортэ. Заслуга осуществления этого плана признаётся за женой Субдэя китайкой Баоо, вошедшей в историю под двумя именами: Борахчин -Хатун и Сорхах-Тани. Рассказывается и о других случаях смены имён героем очерка, которые требуют уменьшения числа политических деятелей XIII века. Ниже даётся список нескольких таких героев, с учётом материала шести повестей:

1. Субдэй, Золотой Царь, Угэдэй, Толуй,
2. Улагчи, Улавчий, Мунке, Хубилай,
3. Борахчин-Хатун, Сорхах-Тани,
4. Огуль-Гаймиш, Людмила, Русалка, Герда,
5. Лун, Лунг, Унегхан, Поп Иван, Царь Горох,
6. Борис, Блудливый кот, Руслан, Леший, Шут гороховый, Главный подхалим.

Устанавливается, что именно Хубилай, под именем хан Мунке вёл переговоры с первыми христианскими миссионерами Карпини и Рубрук направленными на Восток Римским Папой и французским королём.

Устанавливаются обстоятельства и причины гибели нескольких героев очерков, случившиеся в рассматриваемый промежуток времени.

О татарском княжестве

Субдэй был старшим сыном *татарского* князя, создавшего *княжество* в бассейне реки Яик со столицей *Сарайчик* (Сарай Шык) на территории проживания половцев (кыпчаков), вдали от мест проживания *татарского* этноса. Заметим, что никто столетиями не давал названия многочисленному народу, заселившему весь бассейн реки Оби. Загадку не сложно разгадать, если познать быт и общественное устройство татар в XII веке.

Народ вёл оседлый образ жизни, мало интересуясь соседними народами. Он занимался натуральным хозяйством и товарообменом. Воевать приходилось с воинственными кочевниками, которые владели бескрайней Западносибирской полупустынной Степью. Кочевников интересовали города, где можно было что-то приобрести, а заодно и разведать объекты для грабежа – кочевники не занимались ни земледелием, ни рыболовством, ни охотой. Разбой и торговля, были основным занятием. Для них было загадкой безбедное существование татар, которые, по их наблюдениям, не возделывали землю. Отсутствие городов и пашен обезопасило оседлый народ от набегов южного соседа. Для этой же цели, татары оттесняли половцев в полупустыню, отбирая у тех северную часть Степи. Местом проживания татар были залесённые берега реки Оби и многочисленных её притоков. Деление Степи было настолько принципиальным, что граница передалась другим народам, заселившим Степь, и сегодня она с большой точностью совпадает с Российско-Казахской витиеватой государственной границей.

Полноводные медленные реки использовались как транспортные артерии. Многочисленные небольшие речки – для рыбалки в весенне-летний период и охоты в осенне-зимний сезон. Землю распахивали в пойменных лугах. Подспорьем в питании были, кедровый орех, грибы и брусника. Всё заготавливалось впрок, рыба и мясо солились.

Численность татар быстро росла, и товарообмен с кыпчаками не давал необходимого количества товара. Пришлось искать других соседей. Зимой по льду прокладывался санный путь до Ледовитого океана, где у эвенков выменивалась мороженая рыба, а в XII веке зеркала и оконное стекло. В устье Оби эвенки поставили постоянное стойбище, названное Бортэ *Салехардом*.

Поиск соседей по реке Яик (Урал) не дал успеха – вышли на Волгу и поднялись вверх до мест обжитых несколькими народами. Наиболее развитыми в экономическом плане были булгары. От них татары стали получать информацию о народах на Западе – контакты у булгар были обширными и на государственном уровне.

У татар государственных структур не было, и довольно скоро у зажиточных татар появилась тяга к консолидированному обществу, а в качестве примера для подражания, стали русские княжества.

Одна проблема долго не поддавалась разрешению – соль. Её по-прежнему получали у кочевников. Отцу Толуя удалось выследить кочевников, откуда они добывали куски серой соли. Оказалось, что кочевники, прежде чем отправиться за солью освобождались от случайных «попутчиков» и скрывались в пустыне *Рын Пески* по направлению к Волге, затем поднимались вверх против течения и сворачивали на восток, где в необжитом человеком месте существовало солёное озеро *Эльтон*, с мощным соляным дном. Отбивая куски серой горько-солёной породы, они потом обменивали их у татар на другие товары. Отец Толуя придумал проект выгодный всем татарам. Он сначала ознакомил богатых сородичей с возможностью обеспеченного житья, за счёт добычи *качественной* соли. Для этого они сообща придумали и осуществили строительство примитивной, но

дорогостоящей солеварки. Для начала организовали экспедицию на Алтай, где были залежи медной руды. Выплавляли сотни килограммов чистой меди и доставляли металл на озеро Эльтон. Там *киркой* отбивались куски горько-солёной породы, которые предприимчивые коммерсанты растворяли в больших металлических котлах из *меди*. Для ускорения растворения вода в котлах поддерживалась в состоянии кипения.

Получался рассол более приятный на вкус, но горьковатый. Рассол разливался в несколько плоских медных тазов с большой поверхностью испарения. После упаривания до выпадения белого порошка чистой соли, грязный рассол сливался, а белый порошок растворялся в солёной воде озера. После высыхания под горячим солнцем пустыни, получалась соль невиданной чистоты и приятного вкуса. Солеварка требовала постоянного ухода, периодических ремонтов, а главное круглосуточной охраны дорогостоящей меди, из которой можно было бы отливать *медные монеты*. Для охраны пришлось нанимать татар издали, где те проживали. Всё сохранялось в тайне до поры, до времени. На берегу реки Яик выстроили большой шикарный дворец, в котором стали жить сотни «слуг», а точнее все охранники солеварки. Дворец (Сарай) называли по-русски Сарайчик, а всех татар, переселившихся на Урал-реку называли *славянами* (на первых порах). Так появилось *татарское княжество* вдали от бассейна реки Обь. Основным покупателем чистой соли стали татары, которые не захотели переселиться на новую реку. Соль своему же народу доставалась по баснословной цене, что у татар считалось большим грехом, и отца Толюя, надо сказать, никто не любил ни в Сарайчике, ни в Княжестве, ни на Оби. Все, исключая его старшего сына Толюя.

Мальчик воспитывался по правилам, заимствованным от славян – татары знали почти всё о славянской знати, не ведавшей о существовании татар. А между тем, восточный сосед уже давно присматривался к своему беспокойному западному соседу: перенос столицы из знаменитого Киева в неизвестный Владимир, реформа языка, принятие христианства. Может тоже примкнуть к христианскому миру? А может – к мусульманскому?

Вокруг Сарая селились татары со всех далёких Сибирских уголков – образовался растущий прямо на глазах город *Сарай Шык*, ставший столицей княжества. На добрую тысячу километров от столицы, никаких городов не было, а поэтому горожане не были в курсе городской жизни. Но прибывавшие сельские жители быстро ориентировались в новой обстановке, стараясь поселиться, как можно ближе к дворцу, пытаясь породниться с князем, о грехах которого они ничего не знали. Стали образовываться группы знатных горожан, присваивающих себе, ими же придуманные привилегии, и называвших себя *кланами*. Кланов плели интриги, «помогали» князю управлять княжеством, придумывали поборы, для обогащения князя, не забывая о себе и о городе тоже. Валютой стала белая соль, добычу которой пришлось увеличивать. За дорогим и качественным товаром потянулись перекупщики из Ашхабада и других городков Каспийского бассейна. Сарай Шык процветал и стал торговой столицей не только княжества но и всех земель Северо-Западной Азии. Основным товаром стала пушнина, вытеснившая все другие товары. Золотые монеты были не только у князя, но и у всех зажиточных горожан. Мир узнал о новом городе, а горожане узнали о далёких землях и народах. Узнал о Сарай Шыке и Чингиз, посетивший Ашхабад в конце XII века.

Прокладывая свою знаменитую дорогу, Чингиз специально обосновался в Бисене, вблизи Сарай Шыка, но за пределами татарского княжества. Он рассчитывал на соль из озера Эльтон, рассматривая соль как источник средств, для постройки Московского кремля. К этому времени татарский князь уже переключился на пушнину, да и солеварка требовала капитального ремонта. Реформатор рассчитывал на Волгу, как помощницу в

доставке белого товара в русские княжества, но река текла в противоположном направлении, а бурлаки, тащившие суда против течения ещё не родились. Но Чингизу, как всегда, повезло, и он познакомился с отшельником Щацким, который подсказал более удачный вариант – отгул скота на мясо в квадрате с современными названиями посёлков: Алгасово, Щацк, Унгор, Сараи (Юго-восток Рязанской области).

В погоне за удачей

Хан Субдэй, ставший в конце жизни ханом Толуем, в августе 1212 года покинул общество своих друзей. Его, под именем хан Угэдэй, взял себе на службу Чингиз и послал нового помощника в неведомый Хара-Хорин, неведомой страны. Задание простое – стать начальником этого самого Хара-Хорина. У Субдэя был и тайный Хозяин – Поп Иван, а тот дал заложнику, взятому на службу, сложное задание: завоевать Китай и больше в родные края не возвращаться. Как-то следовало совместить эти поручения.

Субдэй не знал, что Поп Иван являлся добровольным рабом жены Чингиза и, что той зачем-то захотелось завоевать страну, о которой ей никто ничего не смог поведать, даже её раб, род которого испытал на себе карающий меч непобедимого Императора Поднебесной.

Джучи сообщил матери на немецком языке, что отец решил заточить хана Угэдэя в тюрьму, а *он не стал говорить об этом своему другу*. Мать сделала перевод письма для будущего узника тюрьмы, в котором написала, что Чингисхан *заставил сына не говорить другу* о ловушке.

Своему сыну Джучи, реформатор поручил сопроводить хана до Дороги и снабдить хана всеми сведениями, на выбор сына. Но это не было заботой о Субдэе – Джучи мечтал взять жену Субдэя себе в жёны, а поэтому терзался в мыслях, о чём говорить, а о чём – нет.

Друзья ехали весь день. Наступил вечер, и в укомном месте показалась юрта необычной конструкции – таких юрт хан Субдэй никогда не видел. Друзья подъехали к юрте и спешили – вышел хозяин жилища. Джучи подвёл коня, на котором ехал товарищ и сказал:

– **Уу мораа** (напой своего коня).

Незнакомец молча взял за узду коня и повёл его куда-то за юрту.

Всю дорогу Джучи думал, как уберечь друга от попадания в тюрьму. Что Хара-Хорин тюрьма он знал, но рассказывать об этом было невозможно из-за молодой жены друга. Только, когда появился хозяин юрты с новым конём для отъезжающего, Джучи посетила идея, и он сказал другу:

– Не обращай к взрослым – пропадёшь.

Хан хотел узнать, в чём дело, но Джучи вскочил на свою лошадь и умчался не попрощавшись, давая понять, что он и так много сказал.

«Ладно» – подумал Угэдэй – «Приму к сведению. Прибуду в Хара-Хорин –там разберусь. Меня встретит человек Чингисхана – узнаю всё у него». Он сел на нового коня, и тот помчал седока в ночь, по Дороге. Утром конь остановился у точно такой же юрты. Хан отдал коня на замену, попросив его напоить. Хозяин юрты увёл коня и вернулся с пустыми руками. Не глядя на гостя, вошёл к себе в юрту. Зашёл и хан. За столом сидела семья кочевника, и женщина наливала всем чай в керамические чашки. Одна чашка стояла пустой – явно для гостя. Субдэй сел за стол, и ему налили чай. На столе стоял тазик с какими-то белыми кусочками угощения. Оказался солёный, сушёный сыр непривычного

вкуса. «Должен быть питательным» – подумал сквозь дремоту хан, грызя твёрдый сыр и запивая его тёплым чаем.

Только ближе к вечеру хан Угэдэй проснулся – его, спящего за столом, растолкал хозяин юрты. Вышли наружу – новый конь ждал своего седока. Так или почти так, продолжалось тридцать суток. А потом появился молчаливый попутчик. Уже вдвоём продолжалось это странное путешествие. Памятуя слова друга, хан молчал. Молчал и странный попутчик.

Прошло несколько суток молчаливого путешествия, и Угэдэй решил нарушить предупреждение Джучи: «Если почую опасность, смоюсь и отсижусь денька два, а потом поеду один».

– В *Китае* есть Хара-Хорин? (**Хара-Хорин Халимат бий юу**).

Спутник долго молчал – то ли не понимал этого языка, то ли размышлял. Наконец ответил:

– Я не знаю *Китая* (**би Халимай мэдэхгуй**).

– *Китай* – твоя страна (**Халимай – чиний орон**), – подсказал Угэдэй.

– Хара-Хорин есть в *Китае* (**Хара-Хорин Халимат бий**), – заявил спутник, с удивлением рассматривая Угэдэя, иностранца, который знает, «как правильно» называть область Манги.

– В Хара-Хорине есть дворец Хана? (**Ханий Ордон Хара-Хоринд бий юу**).

– Хара-Хорин – замок, там нет хана (**Хара-Хорин - ордон тэнд хан байхгуй**).

– В Хара-Хорине будет хан Угэдэй! (**Хара-Хоринд хан Угэдэй байнаа**), – с гордостью заявил Угэдэй

– Туда тебе и дорога! (**Чи тийшээ явж байжээ**), – ответил спутник, удивляясь радости Угэдэя.

Вспомогательный глагол **байжээ** подсказал татарину, что Джучи прав – ему грозит какая-то опасность. Хан не подал вида. Спустя некоторое время спутник заявил перед очередной днёвкой, что завтра утром они прибудут в Хара-Хорин. Оба после завтрака легли спать, а вечером хана Угэдэя в юрте не оказалось. Угэдэя искали, но не нашли – хан из предосторожности ушёл пешком.

Зная, что Поп Иван не сведущ в географии (по беседе в бытность заложника), Угэдэй обоснованно решил, что его шеф пользуется познаниями Бориса. Отсюда следовало, что слово *Китай* означает страну, которой правит Кит (**Халим**). От этого слова Угэдэй образовал название страны, в которую он поехал. Угэдэй, как и Борис не знали, какой пост занимает **Халим** в своей стране. Не знали и те, которые стали в последствие создавать *халиматы*, *халифаты* и *калифаты* в мусульманском мире.

До своего исчезновения из ловушки, подстроенной Чингизом, хан Угэдэй не сомневался в успехе своей миссии. Ситуация ему представлялась не сложной. Сначала найти дворец **Халима**, и познакомиться с его женой – правительницей *Китая*, а затем прибрать к рукам весь *Китай* (**Халимай**).

Самое лучшее, если у Кита есть дочери. Женившись на одной из них и объявив, что ему 30 лет, Угэдэй обгонял Джучи по возрасту и становился главным претендентом на наследство *Кита*. Остальное – дело техники.

Если дочерей нет, то придётся объявить жене *Кита*, что её старший сын Джучи предложил обмен: свою мать на Огуль-Гаймиш, жену Угэдэя.

Ситуация изменилась после разговора с подсадным спутником и вынужденного побега. Немного подумав, хан решил: «Придётся обращаться к детям, на них предостережение Джучи не распространяется, а значит, они не выдадут, а может, и подкормят – в пустыне мне еды не найти. Может, кто-то и дорогу знает к Халиму.

Впрочем, лучше упоминать имя Чингисхан. Под этим именем его должны знать и взрослые и дети».

Люди в полупустынной местности встречались не часто, и с ними Субдэй не контактировал, отворачивая голову. Ватагу детей встретил не скоро. Все хотели помочь незнакомому дяде и на вопрос о Чингисхане ответили хором:

– Идите назад.

«Хорошо», – подумал Угэдэй – «Направление есть, и можно осмотреть Китай. Чтобы не потерять ориентир, буду идти прямо пока тепло, похолодает – пойду назад».

Изредка хан интересовался о направлении, и дети всегда отвечали:

– Идите назад.

Настроение у хана Угэдэя было отличным – он был на пороге исполнения своей мечты. Ситуация резко изменилась, когда через пару недель путешествия «вперёд», дети объявили ему:

– Идите вперёд.

Угэдэй стал проверять, понимают ли дети слова «вперёд» и «назад». Все понимали. Знают ли слова Nord, Ost и другие. Никто не знал.

Более трёх месяцев метался в панике хан Угэдэй, двигаясь то на север, то на юг, проходя каждый раз в стороне от жилья Чингиза. Он ставил различные эксперименты над непонятливыми детьми, которых встречал один - два раза в день, пока по весне, в марте, не сообразил попросить ребёнка рукой показать сторону, в которой проживает Чингисхан.

Вперёд, назад, направо и налево – упрощённые (детские) названия направлений на юг, на север, на запад и на восток. Они совпадают с географическими, в момент выхода человека из любой монгольской юрты. Взрослые добавляют уточнение, например, по правую руку.

Судьбоносное событие

За полгода до выезда хана Угэдэя произошло событие, повлиявшее на судьбу и хана Толуя и на судьбу других героев очерков – Чингиз подал в суд на Бортэ и проиграл судебный процесс.

Бортэ не могла примириться с дружбой Чингиза и Ю Аня и решила спровоцировать Ю на судебный конфликт. Она была уверена в своей победе на судебном процессе, а мнение мужа её не интересовало – тот всегда уступал жене.

Была и более веская причина конфликта – она решила навсегда уйти от Чингиза, но так, чтобы муж не мог предъявить ей обвинение. *Начало военных действий против Поднебесной с территории Манги, независимо от причины агрессии был концом реформ Чингиза, к которым у Бортэ, мягко говоря, симпатий не было. Она считала, что без королей, царей, князей, ханов и им подобным жить нельзя.*

1. Промывание костей Чингизхаа

Бортэ поставила чан на печку и бросила несколько косточек баранины, разумеется, с мясом. Чингиз запаздывал на обед – так бывало не раз, и торопиться было некуда. Бортэ делала вид, что просматривает свой труд перед передачей талмуда Попу Ивану. Она напряжённо ждала человека, главного действующего лица в её плане. Мясо давно

сварилось и ей приходилось добавлять воду в чан и топливо в печь, чтобы поддерживать кипение.

Наконец в юрту вошёл Ю (Хит), решивший попроситься с Чингизом. Он избегал встреч с Бортэ, так как обида на её бесцеремонный перехват друга постоянно росла. Чингиз, правда, однажды попытался подключить друга к общему делу, но тот сказал, как отрезал: «Третий – лишний».

Войдя в юрту, Хит увидел, как Бортэ, испуганно взглянув на гостя, спрятала бумаги за спиной – но он успел заметить часто повторяющиеся слова **ясно** и **ясный**, произведённые, как он решил, от **яс** (*кость*).

– Чьи это кости ты прячешь за спиной? – язвительно заметил Хит и протянул руку – Может, они мне пригодятся?

– Это кости мои, – ответила Бортэ, – Убери руки.

– И не подумаю, – решительно заявил Ю, вплотную подойдя к Бортэ, и попытался достать бумаги, которые та держала за спиной, – Твои *кости* все при тебе.

– Что руки короткие? – поинтересовалась Бортэ, – Это *кости* Чингизхаа.

Ю опустил свои руки и пошёл к выходу. Такое заявление жены Чингиза решало все проблемы, а назревающий конфликт был не в его пользу. Если дело дошло бы до суда, то Бортэ выслали бы в ту страну, переустройством которой она решила заняться. Выяснить какая это страна, никто бы не стал – её просто выставили бы за пределы кочевья. В принципе, это не было катастрофой, но Мария не собиралась рисковать:

– Ты постой, – остановила она Хита, – Посмотри хоть издали на наваристые *кости* Чингизхаа и, взяв за переплёт двумя руками, продемонстрировала объём своего сочинения.

– Староваты *кости*, – отозвался Хит, намекая на возраст Чингиза.

– Посмотрим, – и Бортэ бросила своё сочинение в котёл с кипящей водой.

Хиту удалось оттащить к выходу Бортэ и вытолкнуть её из юрты, но когда он ложкой выуживал из котла бумаги, Бортэ, как кошка, вцепилась в его спину, с наслаждением кусая и царапая её. В отвоёванном сочинении мало что можно было разобрать.

«Придётся переписать всё, что понятно» – решил Хит, унося добычу, – «Может, пригодится для суда».

– Обгладывай, как следует! – несло ему вслед, – *Кости* у Чингизхаа очень вкусные.

Появился муж:

– Моему терпению пришёл конец. Я еду за судьёй, а ты пока *промой* мне остальные *косточки*.

Стычка Марии с Хитом произошла в конце 1212 года. Мария знала, что муж, выполняя данное ей обещание, прибудет домой праздновать Рождество, после чего отправится в Заволжье довершать начатое дело. Обязательно придёт и Хит, поздравить с праздником и переговорить с другом накануне длительной разлуки. Мария решила, что представился удобный случай, расставить все точки над и.

Муж обещал передать Попу Ивану её сочинение, но если оно будет написано письмом, которое он, Чингиз, не может прочитать. Он планировал в Бисене показать *писанину* проверяющему человеку, честно заявив, что письма не читал и за содержимое не отвечает. Что сделал бы цензор с талмудом – его не волновало. Такой письменностью было уйгурское письмо, которым владела, девочка, находившаяся на попечительстве Попа Ивана, а после его высылки – на попечительстве Бортэ, жены Чингиза.

Неграмотному Попу Ивану писать было бесполезно на любом языке, включая тибетский и старо-монгольский. Мария запланировала какой-то подвох, а Чингиз на ходу

изобретал защиту от её *козней*, – но похоже жена на это и рассчитывала. Чингиз предпочёл подыграть жене:

– Поп Иван не знает уйгурского алфавита и передаст твоё сочинение Борису или кому-нибудь из его окружения. Зачем оно ему – меня не интересует. Главное, чтобы никто в наших краях не ознакомился с твоими *крамольными* рассуждениями, – разъяснил Чингиз причину своей осторожности.

– Но в ОРО никто не знаком с уйгурским алфавитом, – возразила Бортэ.

– Да, это письмо знают только несколько народов, например *курды*. Я собираюсь их вовлечь в наш договор с *мордвой*. У мордвы ещё не сформировалась государственность, и курды нужны как гаранты соблюдения договора. При встрече с ними надо будет предложить торговый проект, который заинтересует народ с берегов далёкой реки.

– А как найти место, где обоснуются курды? – задала любопытная Бортэ важный для неё вопрос.

– На реке, которой ты сейчас дашь название.

– Назови её *Пара*, – предложила Бортэ, – и сделай запасной вариант поиска курдов.

– У них так будут называться деньги, когда они начнут в Мордве коммерческую деятельность.

Прочесть письмо, написанное уйгурским алфавитом, для мужа труда не представляло, и Бортэ это знала.

2. Мария – язва (я-язва)

Чингиз был начальником сомона, а значит, мог повлиять на ход судебного разбирательства, поэтому он обратился к судье соседнего сомона, расположенного к северу. Судья назначил дату слушаний, и тройка великих реформаторов явилась на судебное разбирательство.

Судья обратился к Чингизу:

– **Таны нэр хэн бээ?** (Как ваше имя?).

– Чингиз.

– **Таны нэр хэн бээ?** (Как ваше имя?), – судья посмотрел на Бортэ.

– *Hirtin*, что означает **эм малч** (пастушка).

Судья промолчал, хотя знал жену Чингиза как **Бортэ** (со смуглым).

– **Таны нэр хэн бээ?** (Как ваше имя?), – обратился судья к Хиту.

– **Ю** (что?).

– Чем ты слушаешь? – в сердцах спросил судья, – **Чиний нэр хэн бээ?** (Как твоё имя?).

– **Ю** (что?).

Судья опешил, а Бортэ громко рассмеялась прямо в лицо покрасневшего Ю.

– Моё имя Ю, а полное Ю Ань, что на языке моего народа означает *мужчина по имени Ю*.

Не успел судья вникнуть в суть ответа Ю, как Бортэ осадила Ю:

А вот и неправда. Юань – это китайское слово и означает **Халим**, что на языке моего народа означает *кит*, а на языке твоего народа – *хит*. *Кит* и *хит* – это то же, что **халим**.

– Достаточно, – остановил судья женщину, явно издевающуюся над неграмотным арамом-судьёй, – дайте друг другу не обидные имена, и начнём слушанья.

– Её имя Бортэ, – заявил Ю.

– Его я буду звать *Мал'эзе* – по названию той страны, из которой он прибыл, что на французском языке означает: *человек, недовольный порядками в государстве*.

Ю Ань решил не отвечать на колкость Бортэ, хотя и понимал, что ответчица просто выдумала страну Малээзи.

– Ты уводишь слушанье в сторону, – судья сделал замечание Бортэ, – Как называлась книга, которую ты бросила в чан с кипятком?

Бортэ написала на бумаге: «Яс; их засаг» (Кость; высшая власть), и подала листок судьё.

Судья не глядя передал листок Ю со словами:

– Прочтите название книги и скажите, эту книгу вы пытались спасти?

– Яс; их засаг, – прочитал Ю и задумался: «Этих слов я не видел. Да и листы были написаны уйгурским письмом, а не латинским. С другой стороны, в заголовке есть слово *власть* и можно за него зацепиться».

– Да, книгу с таким названием я пытался безуспешно отобрать у Бортэ. Она мне книгу не отдала, а бросила её в кипяток. Я вытащил испорченную книгу, а она меня всего исцарапала, – Ю показал судьё исцарапанную спину.

– Ничего, до свадьбы заживёт, – успокоил судья. Прошу всех разъехаться по домам и подготовиться к слушаниям по тексту книги «Яс; их засаг». Срок – неделя.

Через неделю слушания продолжились.

– Что вы скажите о тексте книги, уничтоженной вами, – спросил судья у Бортэ.

– Это не книга, а *талмуд*, что значит, и это знает любой ребёнок, «частично для хозяйственных нужд». Там были какие-то записи, сделанные уйгурским письмом. Кроме того, *талмуд* не имел названия, – Бортэ изменила показания, сделанные на первом слушании.

Воцарилось молчание. Судья не хотел даже думать о сочетании слов *тал* (stepь) и *мууд* (для грязного, нехорошего). Утверждение, что степь существует для хлама – оскорбительно для кочевника.

Немного успокоившись, судья спросил у Ю:

– Как понять слова «Яс; их засаг», –

Ю Ань обсуждал смысл этих слов с Чингизом и был готов к нападению на ответчицу:

– Последнее слово «власть». Предпоследнее слово на германском языке и означает «я». Получается; «Я – власть». Речь идёт о попытке смены власти в Монголии.

– Если такой умный, то скажи, что означает первое слово *яс* на моём языке? – набросилась ответчица на Ю.

– Мне нужна пара месяцев, и я установлю всё, что ты замыслила, – парировал «малазиец» – И не такие *шарады* мы разгадывали с твоим мужем.

– Объявляется перерыв. Заключительное третье заседание состоится здесь ровно через три месяца, – судья встал и удалился.

По возвращению домой Бортэ устроила сцену мужу:

– Куда уехал Ю?

– Не знаю. Мне он ничего не сказал.

– Куда мог уехать Ю?

– К себе в *Малазию*, – заявил Чингиз, воспользовавшись названием страны, придуманным женой в ходе первого разбирательства.

– Далеко ли до *Малазии*? – не унималась Бортэ.

– Все страны находятся на юг, за *Цайна* (China, китай).

– А далеко ли до *Чайны*?

– Пару недель пути на юг.

– Пешком или на лошади?

– И пешком и на лошади не преодолеть пустыню **Говь** (Гоби), которая начинается сразу за моим сомоном, – заявил муж. Он вышел из юрты, сел на своего, ещё не расседланного, чёрного коня и уехал к своему отцу, чтобы отвязаться от назойливой жены.

Через 3 месяца слушания возобновились и слово было предоставлено Ю Аню:

– Я был на Тибете и не нашёл ни одного человека, говорящего на германском языке.

– Что вы можете сказать? – судья спросил Чингиза.

Ему пришлось выручать друга, придумав ещё одно значение слова «**яс**»:

«**Яс**» – это кость, но моя жена воспользовалась переносным значением этого слова:

Новое поколение. Поэтому «яс; их засаг» следует понимать как назидание: *Молодежь, я – власть!* Так жена решила обратиться к своим сыновьям Джучи и Борису, проживающими сейчас в далёком Сарай Шыке, куда я выезжаю завтра.

– Что вы можете ответить на разоблачительные слова вашего мужа? – жёстко спросил судья.

Бортэ ожидала такую речь мужа и затряслась в истерике:

– Ополчились на бедную женщину. И цель у них одна – вернуться к своей старой студенческой любви. Я оказалась ненужной мужу. Мне трудно тягаться с сыном *адвоката*, – и она указала пальцем на мужа, – Во время трёхмесячного перерыва он уезжал к своему отцу-*адвокату* для консультаций. Трое мужиков заранее сговорились, чтобы меня оклеветать. Это – *заговор!*

Мария села и зарыдала навзрыд.

– Чем занимается человек с профессией *адвокат*, – поинтересовался судья у Чингиза.

– Мой отец помогал людям выигрывать суды, когда проживал в далёком городе – честно признался Чингиз.

– И как называется этот город?

– **Бад**, что в переводе с языка далёкого кочевья означает **хот** (город).

Мария не смогла удержаться, чтобы не съязвить:

– Он стесняется назвать город, где работал его отец – это *Аишабад*.

Судья встал – встали и остальные, включая Бортэ, которая с интересом разглядывала судью, перестав изображать из себя жертву *заговора*.

– Объявляется приговор – пожизненное заключение одного из вас.

– Я невиновна! – мгновенно отреагировала Бортэ.

Чингиз подумал: «Ко мне вообще не было никаких претензий» и сказал:

– Я невиновен!

– Виновен я, – тихо произнёс Ю.

– За то, что вы признали вину, вам даётся самая лёгкая форма приговора: вы пожизненно *заклюаетесь в северной части своего сомона* – никогда не покидать её без разрешения судьи.

– Вам, – обратился судья к Чингизу, – даётся год, чтобы найти прямую улику против вашей жены. Если не найдёте, то ваш друг может через меня предложить вам поменяться с ним местами.

– К тебе претензий нет, – сообщил судья Марии, – ты свободна. Но если твой муж в срок найдёт прямую улику против тебя, то ты проведёшь остаток своей *паршивой* жизни на *каторге*.

В ходе процесса всплыло многое, ранее неизвестное Бортэ. Кроме золотой цепи и осведомлённости в этом её сына.

Одна ночь

Усталый, но не сломленный, хан Угэдэй оказался перед юртой Чингиза буквально парой дней позже выезда Чингиза на поиски «неопровержимых улик» подрывной деятельности Марии.

У входа стояла белая женщина. Вскоре, не спеша, подошли смуглые парни и девочки, с любопытством разглядывая гостя. К женщине они обращались **ээж** (мама).

«Странно», – подумал Угэдэй, – «Джучи мне говорил, что у него нет ни братьев, ни сестёр, а их вон сколько. Может **дуу** означает неродные?»

– **Өглөөний мэнд** (доброе утро), – обратился Угэдэй, не знавший правил ведения разговора.

– **Өдөр** (день), – ответила женщина.

– **Би** хан Угэдэй, – представился Угэдэй, – **Чи хэдэн хүүхэдтэй вэ** (Сколько у тебя детей?).

Женщина ответила.

– **Джучи аз ах юу?** (Джучи к счастью старший брат?), – спросил гость у самого старшего из собравшихся детей Бортэ. Детей было меньше, чем сообщила мать, и Угэдэй волновало, не отсутствует ли сын, более старший, чем Джучи.

– Пойдём в юрту, – женщина потянула Угэдэя за рукав, – Я сама отвечу тебе на этот вопрос – мои дети тебя не поймут. Я уже собиралась ехать в Хара-Хорин, чтобы передать тебе письмо от Джучи.

Письмо было написано кириллицей. Угэдэй в бытность Субдэя вместе с Джучи часто разбирал каракули Бориса на песке, а Огуль-Гаймиш помогала освоить их произношение. Так что прочесть записку друга Угэдэй мог, а понять – нет.

– Она написана на незнакомом мне языке, – заявил Угэдэй, – Ты можешь перевести её на особый язык?

– **Над даатгаж Герман хэлнээс орчуулана.** (Переведу с немецкого языка, если мне доверяешь), – ответила женщина.

– Переведи, если мне доверяешь, – галантно ответил хан Угэдэй.

Оба засмеялись. Каждый смеялся по своему поводу.

– Вот, – и жена Кита протянула Угэдэю другую записку, – это перевод письма моего сына. Я его собиралась передать хану Угэдэю в Хара-Хорине. Но перевод фальшивый.

Снова засмеялись, но теперь по одному поводу.

Угэдэй сложил две бумажки вместе, потом порвал их на мелкие куски и, высунув руку из юрты, *пустил клочки по закоулочкам*.

– Что ты делаешь, – удивилась женщина, – теперь ты никогда не узнаешь, что тебе написал мой сын. Я на память письмо не помню. А в письме было много интересного для тебя.

– Меня интересует только мнение матери сына, а мнение сына матери мне безразлично, – спокойно произнёс хан Угэдэй, и оба пристально посмотрели друг на друга.

– А мне важно, как раз мнение моего сына, – заявила женщина, – Своя рубашка ближе к телу!

Но, взглянув на татарина, выставила ладонь и ответила на Дойч:

– Нехристь, я давно в эти игры не играю. Да и дети что подумают?

Хотя, Угэдэй ничего не понял, кроме жеста, он ответил по-татарски:

– Ну и хорошо, а то со старухой может и не получиться.

Теперь не поняла ничего жена Кита. И она сказала на особом языке:

– Тогда говорите, зачем сюда прибыли, и что вы от меня хотите.

Хан Угэдэй изложил свой план покорения *Китая*.

– Из этих двух вариантов, мне подходит первый, – заявила Бортэ, – но в стране существует порядок, исключаящий власть хана.

– Какие у вас порядки – мне без разницы, – заявил Угэдэй, – Как только я войду в наследство с твоего согласия, то буду руководствоваться татарскими законами. В стране будет создан новый порядок.

– Тогда выйди, выбери себе любую мою дочь, возьми за руку и приведи сюда. Я ей дам материнский наказ.

– А можешь что-нибудь другое объявить своей дочерью, – стараясь не обидеть свою будущую мать, спросил хан Угэдэй.

– Понимаю, – ответила женщина, – Сейчас мой сын даст тебе коня, и вы съездите к одной **КРАЛЕ**. Если она тебе понравится – скажи сыну, и он приведёт её ко мне. Мне кажется, она не будет возражать стать моей дочерью.

Совсем недалеко оказался дворец. Сын Чингиза, вошёл в него, как к себе домой и отвёл Угэдэя в женскую комнату, в которой сидела в тоскливой позе девочка. Угэдэй поздоровался и представился. В ответ ни слова – девочка даже не посмотрела на Угэдэя.

– Что с ней? – спросил Угэдэй у парня.

– Она не хочет с тобой разговаривать. Спрашивай лучше меня.

Расспросив парня обо всём, что его интересовало, хан Угэдэй решил, что девочка для него неплохой вариант, хотя бы для начала.

Отведи её к матери, – сказал Угэдэй, – Мне идти с вами?

– Подходи потом, – мать будет разговаривать с ней наедине.

«Раз не к спеху, то поброжу по дворцу, поговорю со слугами, узнаю в какой комнате мне жить, – решил Угэдэй, – когда кончится «потом» – позовут.

Слуг во дворце не оказалось. Угэдэй обошёл все помещения – всюду царил покой. Стало не по себе, и без пяти минут хозяин вышел и направился в хлев. Скот был, были корма, но прислуги не было.

«Надо уходить, а то придут люди и примут меня за вора», – подумал Угэдэй.

Он вышел за ворота, сел на своего коня, и стал вспоминать дорогу, по которой приехал. Объехал вокруг дворца на приличном расстоянии, не выпуская здание из вида – с пустыней шутки плохи, а расспрашивать людей нельзя – запрет Джучи. Дороги, связывающей Дворец с людьми, не было. Не было и ориентиров на горизонте, куда можно было бы поехать, не рискуя заблудиться.

«Уж не в Хара-Хорин меня заманила *старая карга*?» – подумал татарин, – «Нет. В тюрьме столько монет не бывает. Можно бы и сбежать, но всё не увезу. А так: и дворец, и деньги, и молодая невеста, да ещё молчаливая и глазами по сторонам не стреляет, как Гаймиш».

Вечерело. Никто не появлялся. Огонь в очаге отсутствовал, а кресало осталось в юрте *карги*, как он обозвал женщину. Лёг на кровать, но сон не шёл.

«Сочиню ка я сказку о мёртвом замке – может, скорей засну».

Наказ тёщи

Парень появился рано утром.

– Мать о тебе забыла и вспомнила поздно вечером. Я приезжал, но близко подходить побоялся: Мать говорит нам, что по замку бродят приведения, чтобы мы не вздумали сюда приходиться, когда девчёнка спит, и рыться по ящикам.

– А ты забыл то, чем получаете искры – и он протянул кресало Угэдэй, – При свете я храбрый и приведенный не побоялся бы. Скажи, а что в ящиках – монеты?

– Может и монеты, но их охраняют псы с такими глазами, что я испугался. Я храбрый только с этим *агнива*. Хочешь, я тебе расскажу похожую историю, а то ты подумаешь, что я *сочиняю*.

– Хочу, – и глаза мальчишки загорелись.

– Тогда слушай.

Спешить было некуда, и Угэдэй стал рассказывать своему новому младшему брату сказку про огниво, сочиняя её на ходу.

Такова извечная традиция – старшие братья сочиняют сказку, а младшие слушают, переделывают и рассказывают её своим друзьям, как свою, а потом дети забывают эти сказки, но не все. А лет через 500 сказка вдруг всплывёт на другом конце Земли, поражая ум взрослых дядь и тётъ тоже...

Подъезжая к юрте, братья столкнулись с хозяйкой замка, которая, сказав что-то очень тихо, поехала дальше в свой замок.

– Что мне сказала моя невеста, – как можно строже спросил Угэдэй, когда всадница скрылась.

– Муж, я должна ехать в наш дворец. Его надо сторожить, а то здесь кругом воры, – ответил младший брат и добавил, – Мы тоже иногда наблюдаем, но твоя жена даже *смотреть коня* (выходить по нужде) за ограду не выходит. А раз там живут такие псы, то туда больше не пойдём. Да и от монет нет толка. Мой младший брат один раз забрался и принёс домой две монеты, а мать отняла их и вернула чужой тётё. А раз девушка тебя в мужья взяла, то теперь и братья чужих денег не надо. Можно попросить. Она мне даст – не жадная.

– Моя жена золотая, – гордо заявил Угэдэй.

– Нет, она серебряная, – возразил младший брат, – я держал монеты в руках. Это был я.

– А врать нельзя! – возмутился старший брат.

– Я не вру, а *сочиняю*. У меня всего два брата – это Джучи и ты, остальные *дуу*.

– Это меняет дело, – согласился Угэдэй и задал очень важный для него вопрос, – А у Джучи есть братья.

– Вы родились раньше меня и не должны меня спрашивать, кто из вас раньше родился. Я для вас – *дуу*.

«У меня брат *смышлёный!* Оказывается всё так просто!», – подумал Угэдэй, – «Но спуска ему давать нельзя, а то не будет уважать старших».

– Я имел в виду, не твоё *враньё*, а золотая у меня жена или серебряная.

– Ты прав, – согласился *дуу*, – не мне решать принесёт тебе счастье твоя жена или нет. Если потратишь все её деньги, то может и станете счастливыми.

– «Чокнутый у меня брат» – подумал Угэдэй, но вслух говорить не стал.

– Слушай мать, – сходу закричал хан Угэдэй, – У твоей новой дочери оказывается столько денег, что хватит на постройку ещё одного дворца для тебя, и нам с женой ещё останется. А пока не выстроишь себе дом, перебирайся к нам – там много комнат. Я и братьев и сестёр своих возьму к себе. Пусть живут в нормальных условиях...

– Такой красивый, а ничего не понимаешь, – остановила тётца, – ты хоть знаешь законы этой страны? Пока не войдёшь в наследство – рот не открывай.

– Понял, что поспешил. А у кого мне узнать законы этой страны.

– У любого человека, даже ребёнка. Отвечу и я, если вопросов немного.

Угэдэй задумался и почесал в затылке; вышел из юрты, осмотрелся и снова почесал в затылке; потом увидел стайку детворы и пошёл к ним. Там его дуу рассказывал услышанную пару часов назад сказку, явно привирая, поскольку в руках у него были три предмета для показа точных размеров глаз трёх собак, а в «первоисточнике» были просто собаки и «во какие глаза».

«Даже детям нужно знать, сколько и какой формы», – удивился Угэдэй. Он взглянул на дуу и увидел молчащего мальчика с мольбой в глазах. Оглянулась и детвора. Угэдэй всё понял и обратился к дуу:

– Ты не видел моё *агнива*?

– Малыши, – скомандовал какой-то взрослый парень, – Всем искать *агнива*! Солдату без *агнива* никак нельзя.

Рассказчик первым бросился искать огниво, а детвора усиленно ему помогала. Дуу увёл детей за противоположный край юрты.

– Положите своё *агнива* куда-нибудь, – попросил незнакомый парень. Я замечу место и подскажу вашему дуу.

– Я не знаю, что вы называете *агнива*, – сознался Угэдэй, – я так назвал свою вещь, которая находится в юрте.

– Если вы попросили дуу искать *агнива*, то он будет его искать, пока не найдёт. А уже поздно, и есть охота. Но сказка интересная, и я хочу её дослушать – еда подождёт.

– Хорошо, я схожу за *агнива* и положу его туда, куда покажете.

Поняв, что даже в этой детской игре есть серьёзные правила, ему непонятные, Угэдэй пошёл к теще.

– Мать, – у вас тут всё просто, но мне непонятно. К тебе вопросов у меня нет.

– Тогда сделай то, что я тебе скажу. Поезжай к себе во дворец и каждый вечер рассказывай новую сказку. Мне твой дуу уже успел расхвалить тебя.

– Ну, насмешила! – Хан Угэдэй! во дворце! детям! читает сказки! да ещё в глухомани, у бога на куличках! Да кто этому поверит!

– По одной новой сказке в день, – не обращая внимания на эмоции, уточнила теща. – Здесь всё считают, и твои сказки будут пронумерованы. Никто в мире не поверит, что ты читаешь сказки, кроме моего мужа и моего сына. Они вычислят, с какого дня ты рассказываешь свои сказки, и у них сомнений не будет. А что будет делать Джучи? А что будет делать Чингисхаа?

Угэдэй задумался, потом выбежал из юрты вскочил на коня и помчался к своему дворцу. Через пару часов вернулся и с порога заявил:

– Мать! мне страшно.

– Надо было взять с собой *агнива*, – со смехом сказала теща, – А как оно выглядит?

– Мне не до шуток. Если я сделаю то, что ты просишь, то примчится Кит и всё тут разнесёт, вместе с моим дворцом, а меня убьёт вместе с дочерью Попа Ивана. Я как-то по-другому представлял Китай.

– С тобой рано говорить серьёзно. Делай то, что я сказала. Когда поймешь законы этой страны, приезжай ко мне – поговорим. Теща не бросит в беде своего рыцаря.

– И читай свои сказки детям, по одной в день. Тэд над туслана (Они тебе помогут).

– Что-то мне не верится, что мои сказки смогут мне помочь, – насторожился хан, – Ты что-то не договариваешь.

– Какие сказки? Когда ты выучишь особый язык! Тэд (они) используется только для одушевлённых предметов. Дети тебе помогут! Ты их слушай, когда они будут обсуждать твои сказки и поймёшь всё. Узнаешь, кто пошлёт письмо в Мухор с известием, что какой-

то дядя читает детям сказки. А в Хара - Хорине, где тебе полагается быть, детей нет – детей в тюрьмы не сажают!

– Узнаешь даже, как зовут твою жену! Неужели и твой друг Борис, о котором сообщает Джучи, тоже плохо владеет особым языком.

– Борис прекрасно им владеет, не хуже Джучи, – заявил хан Угэдэй.

Бортэ знала, что Борис и Угэдэй друзья. Хан, посланный Попом Иваном, оказался таким рыцарем, о котором Мария на своей родине могла только мечтать: галантный, заботливый, преданно служащий своему господину. Как не помочь такому рыцарю.

Угэдэй был исполнительным и читал ежедневно новую сказку детям, которых всегда было много. Дети приезжали парами или тройками. Деловито организовывали чаепитие, чинно рассаживались по десятку на каждую кровать, держа в руках подношения отдельно от свёртка, в котором находился их «школьный обед». Они обменивались новостями и упорно ждали, когда **багшаа** начнёт свою новую сказку. Никто с дядей не разговаривал – он был **багш** (учитель) по сказкам и этим всё сказано. Учителю мешать нельзя – а подношение приносить ему надо.

Жену Угэдэя взрослые звали **Борахчин-хатун**, и ей было около 13 лет, когда она согласилась стать женой Угэдэя. Борахчин-хатун активно помогала мужу. Она отбирала подношения и с интересом слушала сказки, не забывая сторожить свои богатства; следила за порядком, проходя между кроватями и раздавая тумачи и подзатыльники налево и направо – приходилось работать и руками и ногами; но никого не выгоняла, и никто ей не огрызался – дети, молча, терпели заслуженные наказания.

Постепенно, через болтовню детей, хан Угэдэй узнал всё о стране, куда загнал его свёкор, Поп Иван. Узнал он и имя своей жены, но не от неё и не от Бортэ. Все взрослые вокруг звали *красавицу* **Борахчин-хатун** (*госпожа злюка - смуглый старшина*). Об этом толковали между собой дети, и часто жгучей новостью было:

– Моей сестре не нравится **Баоо-ахчин** имя нашей **хатун**. Она думает, что я назвал её букву «р» не выговариваю и требует, чтобы я говорил **Боогаачин**, если не могу выговорить **Бор-ахчин**. Даже полотенцем меня огрела.

Тема была настолько обсуждаемой, что можно по словарю установить деятельность *Баооочин*. Это слово связывали в первую очередь с понятием «завязывать, завёртывать, обвязывать, обвёртывать, упаковывать, бинтовать», то есть с тем, что она делала с подношениями учеников. Во вторую очередь с понятием «преграждать, препятствовать, загородить» то есть с тем, что она делала, чтобы не пускать детей бродить по замку, особенно туда, где были ящики с монетами. Дети звали её **Баоо-ахчин** (*старшина Баоо*).

В последний день своей работы Угэдэй подговорил самого старшего ученика выкинуть из обращения упоминание старшинства (**ахч** – старшинство по профессии, образно говоря, *старшой*), тем более что парень был явно старше госпозлюки, а следовательно мог дать и сдачи, своей обидчице, естественно в отсутствие учителя. Парень с радостью согласился называть злюку – **Боорина**.

Дети разъехались по домам и рассказали своим сёстрам о том, что произошло потом в присутствие учителя. В семьях артов возникли скандалы, вылившиеся в бунт кочевников.

– Ты говоришь, что сегодня вы называли **Борахчин-хатун** не **Боорахчин**, а **Боорина**? (*Борина*) – и в голосе сестры прозвучали недобрые нотки. Принеси мне полотенце – и я награжу тебя за отсутствие **ахч**.

– Сейчас принесу, – говорил ребёнок, поскольку выполнять любые приказы сестры он обязан, – Только выслушай сначала.

Младший имеет право на предварительное объяснение своей вины. При уважительной причине сестра отменяет свой приказ.

– Она чужестранка. Сколько ей лет – она не говорит. Она вообще нас не понимает. Ведёт себя как госпожа, а никто не знает, сколько её лет. Один большой мальчик – постарше тебя – сегодня не захотел её назвать госпожой и решил на пальцах спросить, сколько ей лет. Так она его так по затылку огрела, что он с кровати свалился, и своё подношение на пол уронил!

– А что учитель? – заинтересованно спросила сестра, решив поймать дуу на обмане, поскольку реакция госпозлюки говорила о том, что она ПОНИМАЕТ ДЕТЕЙ.

– Он сказал, чтобы больше мы её возрастом не интересовались. Что он никому не скажет, сколько ей лет. А ей сказал: «подыми ребёнка!». А она не подняла! – ребёнок доказал, что госпозлюка – ИНОСТРАНКА, НЕ ПОНИМАЮЩАЯ МОНГОЛЬСКИЙ ЯЗЫК.

– Так я тебе и поверила! А ну скажи, как она обращается к учителю!

– Никак, а сегодня назвала его «хан Угэдэй!»

– Не может быть! – воскликнула сестра, побледнев.

– А вот и нет! – «хан Угэдэй», «хан Угэдэй». Спроси у других! – посоветовал ребёнок, – Сейчас принесу тебе полотенце, а то пот у тебя на лбу выступил.

Один ребёнок ещё мог что-то напутать, но всем детям не верить было нельзя. Во дворце Хана поселился иностранный хан, хорошо владеющий монгольским языком, а молоденькая жена – вовсе не жена, а его ЗАЛОЖНИЦА. По уже не существовавшему понятию она РАБЫНЯ хана. Все её богатства – выкуп родителей, который новый хан присвоил себе. К старому Хану претензий нет – он выслан за пределы кочевья.

Рушился уклад кочевья, чего так боялся Чингиз, и волна недовольства захлестнула обширную область Манги. Волна достигла юрты Бортэ, и организатор волны возмущения срочно выехала в столицу для организации *их хурала*, чтобы найти выход из щекотливой ситуации и успокоить *аратов*. На хурале Бортэ заявила, что девочка была на попечении Попа Ивана, а в его отсутствие она просит переписать попечительство на неё, что правила создания семьи у иностранцев иные и на кочевников не распространяются – никакой угрозы кочевью нет. Вернётся Чингиз – тогда он и решит, что правильно, а что нет. Посадить хана Угэдэя в тюрьму за угрозу укладу кочевья – никогда не поздно.

Угэдэй вычислил день, когда явятся гвардейцы Чингиза с судьёй и за нарушение законов страны посадят хана Угэдэя в Хара-Хорин. За три месяца до этой даты он объявил детям, собравшимся слушать очередную сказку:

– Вчера была последняя сказка. Расходитесь. *Баярта*.

Для пущей убедительности он закашлялся и сказал:

– **Би ханиад хүржэ** (у меня грипп).

Но, дети, проехавшие длинный путь ради новой сказки обступили сказочника и стали уговаривать его.

Хан Угэдэй заткнул уши и стал, как научила его тёща, твердить бесконечную фразу:

– ... **би та кхан кху лы би та кхан кху лы би та кхан кху лы би та кхан кху лы...**, объявив тем самым о сложении своих полномочий.

Хан Угэдэй покинул замок в феврале 1914 года за несколько дней до предельного срока, прочитав пару сотен сказок из «Тысячи и одной ночи». Одна ночь – это «Огниво». Чингисхана он больше не боялся.

– Ты ещё завтра мог бы ускользнуть от солдат, – проворчала Бортэ, встречая заснеженного гостя. У меня нет времени на разговоры с тобой, так как должна сейчас выехать в Ургу решать свои дела. У тебя есть вопросы ко мне?

– Да, один есть. Что написал тебе Джучи в письме, которое ты должна была получить, по крайней мере, пару месяцев назад.

– Мой сын ленивый и так быстро, как ты решил, он на письма не отвечает. Письмо я получила неделю назад и жду тебя, чтобы сообщить тебе: К Джучи явился Борис в больном состоянии. Но вот беда, я – *оточ*, а не *эмч* (врач) и помочь ему не смогу.

А теперь попросаема – я с тобой больше не увижусь. Что скажешь мне на прощанье?

– **Одоо чи Джучит над ээжээ, бас Борисат отчоо байна** (Теперь ты мне и Джучи мать родная, а Борису – *отчим*).

– Спасибо за комплимент, но Борис – человек, а не скотина, – сделала замечание тёща и добавила:

– Живи здесь, Чингизхаа появится через неделю, узнай у него когда... – начала тёща.

– Когда в **Урге** соберётся очередной **Хурал**, поезжай вместе с ним, и там тебя назначат начальником **Хара-Хорина**, потом от Чингис-Хана получишь юрту, туда поедешь вместе с женой, потом... – угадывал Угэдэй речь тёщи.

– Потом ничего, – прервала Бортэ, – Вижу, что ты выполнил просьбу тёщи, но *при детях говорить о деньгах не надо*.

Каменный маленький остров

Мартовским утром 1214 года Чингиз отправился в Хара-Хорин, чтобы предъявить свои претензии новому начальнику тюрьмы хану Угэдэю:

– Приехал посмотреть, как вы несёте у меня свою службу, – сказал Чингиз после положенного приветствия.

– Гостям всегда рады, а начальству тем более, – ответил хан Угэдэй.

– Есть жалобы на условия службы? – поинтересовался народный вождь.

– Есть. Во-первых, мне трудно давать направление отселяемым заключённым.

– Мой народ ориентируется относительно рек, а у вас – относительно юрт. Ближайшая, нужная мне, юрта находится в шести часах хопьбы. Прежний начальник тюрьмы посоветовал мне представить рекой долину, которую вы видите. Я ему показал вон на то возвышение. Там долина двоится. «Это остров, держитесь левой стороны» – посоветовал мне мой предшественник. Я ему сказал, что не знаю, какая сторона у острова левая, что я вообще не знаю, что означает слово «левая». Он усмехнулся и уехал, не растолковав мне слово «левая». Я езжу то по одной долине, то по другой, до первой встречной юрты.

– Во-вторых, у приезжающих за своими заключёнными сомонских начальников нет никаких знаков отличия. Так может любой придти и забрать отсюда любого преступника, назвавшись начальником далёкого сомона. Из всех начальников сомонов я знаю только одного – Чингисхана.

– В-третьих, нет списка лиц, которых надо отселять и графика их отселения.

– Начну с последнего. Сделай список всех заключённых, а я отмечу тех, кого надо вывезти по секретной дороге, – предложил Чингиз.

– Я принёс требуемый список, – отетил хан Угэдэй, доставая тетрадь.

Чингиз внимательно просмотрел внушительный список преступников, ища известных ему бывших активных членов монгольских племён:

– Но в списке отсутствует половина закоренелых бандитов, – возмутился реформатор.

– А что я тебе говорил, – отреагировал собеседник, – Пока не решишь проблему «маленького острова», заключённые будут уходить один за другим.

– Я тебя принял на службу – ты и решай проблему.

– Если так, – в тон ему заявил хан Угэдэй, – То, если к восходу солнца не будет маленького острова, я уезжаю навсегда из Хара-Хорина, и пусть все разбегаются, кто куда хочет.

– Так не пойдёт, – остановил Чингиз грозного хана, – из чего тебе сделать маленький остров – из камня, металла или из дерева?

– Надо подумать. Из камня сделать сможешь?

– С завтрашнего утра посылай отселяемых преступников на маленький остров.

Реформатор в темпе поскакал к ближайшей юрте. Через пару минут оттуда на поиски каменных дел мастеров помчались в разные направления несколько молодых людей. Подъехав к первой встречной юрте, каждый вместо приветствия говорил:

– Чингизу нужна помощь каменотёсов.

Эта весть пронеслась по кочевью со скоростью несущейся лошади. В обратном направлении с такой же скоростью неслись каменотёсы со своим инструментом на перекладных лошадях. Хотя реформы окончились, но любовь монголов к своему реформатору только росла.

К вечеру собрались все каменотёсы кочевья и много любопытных, готовых выполнять любую работу. Заказ на оригинальное ваяние вызвал такое воодушевление, что все позабыли о еде и сне.

Солнце ещё не взойшло, а довольные *архитекторы* разъехались. В каждой встречной юрте они были желанными гостями, а гость обязан делиться информацией. Хозяев интересовало, зачем Чингизу потребовался памятник мужскому достоинству. Каменотёсы сочиняли всякие истории – до нас дошла только самая правдоподобная:

«Хан Угэдэй и Чингиз пировали в степи. Потом стали спорить, кто из них на что способен. Хан Угэдэй мог многое сделать и Чингиз решил победить хитростью – он заявил, что поймёт долину, которая напоминает лежащую женщину. К утру он собственноручно соорудил каменный член. Каменотёсы тут не причём.»

Чингиз продемонстрировал своей жене, что, не имея атрибутов власти, он обладает такой любовью своего народа, которая не снится ни одному королю на Земле.

Рассудительная Бортэ сделала вынужденную переоценку своей личности – она *недостойна* быть спутницей своего Хана. И она стала ждать повода для достойного завершения супружеских отношений.

Кроме того, она знала, что Чингиз не допустит завоевательного похода Удэгэя на *Цайну*, а значит, рано или поздно состоится разговор между Чингизом и Угэдэем на эту тему. Прямолинейный Угэдэй, конечно же, расскажет о помощи ему со стороны Бортэ. Наступит конец хорошим отношениям с мужем, который выложит судье прямые доказательства её подрывной деятельности.

Уехать она собиралась к себе на Родину с остановкой в Лукоморье, чтобы там помочь сыну в его семейной проблеме и ехать дальше с ним и невесткой домой в Киль через славянские княжества, предварительно расспросив Бориса о дороге во Владимир.

Хан Угэдэй (Толуй) большую часть времени проводил в Хара - Хорине среди заключённых, отбирая тех, кто мог пригодиться при покорении Китая. Домой, в свой дворец, приезжал редко, и только для того, чтобы взять с собой накопленные подношения монгольских детей. За время чтения сказок «1000 и одна ночь» накопилось достаточно много провианта.

ЗаклЮчённые в Хара-Хорине были на само обеспечении – они весь день мастерили поделки, после реализации которых, охрана получала средства на кормление заключённых и себя тоже. Теперь же, будущие военные начальники армии Угэдэя, могли заниматься

планированием военной операции, не отвлекаясь на трудовое перевоспитание. В случае доноса сокамерников, начальник тюрьмы устраивал побег своим людям.

Подготовка к походу на Китай

Вскоре появилась первая небольшая группа татар из Лукоморья, которые узнали от Джучи, с какой целью поехал хан Субдэй в Хара-Хорин. Татары следовали за половцами (кыпчаками), которые перевозили на верблюдах свои пожитки туда, куда придёт верблюд. Там татары узнали, где находится Хара-Хорин и встретились с главным командующим ханом – Угэдэем. Угэдей взял у жены Борахчин-Хатун много монет и поехал с сородичами в обратном направлении. Выехав за пределы кочевья, он у первой же юрты организовал сворот на юг, по которому отъехал на дневной переход. Здесь Угэдэй слез с коня, выбрал начальника из группы, отдал ему деньги и приказал:

– Обживаться. Обустроить долину для проживания армии *тартаро-монголов*. Деньги даю не только на пропитание, но и на обмундирование и на оружие. Не хватит – привезу ещё. Где и что доставать – решай сам, но в монгольское кочевье – ни ногой! Всех желающих служить в моей армии буду посылать сюда под твоё начало.

Вернувшись в юрту, откуда начинался сворот, он приказал хозяину, переселенцу из Хара-Хорина:

– Всем иностранцам, прибывающим с Запада говорить, что есть два Хара-Хорина – Чингисхана и хана Субдэя. Когда тебя сменит очередной отселяемый, то передай ему этот приказ хана Угэдэя из Хара-Хорина.

Со своей Борахчин-Хатун Хан Угэдэй не имел супружеских отношений сначала по причине малолетства девочки, а потом из-за её родственников. Китайцы, как сообщалось ранее, свободно торговали во всех крупных городах Манги. Они слышали о хане Угэдэе начальнике тюрьмы Хара-Хорин. От заключенных тюрьмы узнали цель приезда человека из далёких краёв – завоевать какой-то Китай. Под видом родственников жены Угэдэя китайцы группами навещали Борахчин –Хатун, предварительно согласовав дату визита с её мужем. Разговор шёл на китайском языке, но часто упоминалось имя Чингисхан. При этом китайцы глядели на мужа девушки, наблюдая за его реакцией. Угэдэю стало понятно кому принадлежит его жена и он перестал приходить в дворец, когда там гостили родственники жены. Родственники, выведав сведения о том, что Борахчин-Хатун выдала много монет для армии Угэдэя, исчезли навсегда из поля её зрения.

У китайцев появилась задача, найти прячущуюся армию. К Императору Поднебесной пришло сообщение, что на Северо-Западе страны иностранцы заказывают у китайцев обмундирование и оружие. Выследить купцов оказалось не сложно, и скоро в армии Удэгея появились торговцы овощами, а затем профессиональные повара, по совместительству и профессиональные разведчики – где, как не за едой, у воинов развязывается язык!

Росло число мужчин в секретной долине Хара-Хорин, и появилась потребность в женщинах. Неведомо как об этом узнали женщины Манги, но дополнительный заработок сделал своё дело – об армии хана Угэдэя узнали все, кому это было интересно. Языковой барьер в этом деле не помеха.

В конце 1219 года Хан Угэдэй получил от Попа Ивана через Джучи письменный приказ совершить показательный поход – показать русскому князю *Георгию* мощь своей армии в бою. Георгия следовало напугать, но не убивать. Поп Иван не имел ни

возможности, ни желания *писать письма*, так что авторство приказа следует отнести к самому Джучи, который к тому же знал, что Юрия можно называть *Грузин (Георгий)*.

Армия не была подготовлена к военным действиям, но приказ есть приказ, и армия Угэдэя, состоявшая исключительно из западных тартаров, о чем сообщил китайский летописец, по совместительству и повар, и разведчик, двинулась на запад. Монгольских воинов Угэдэй не взял – он в их способностях давно разуверился.

В отсутствие хана Угэдэя, Борахчин – Хатун в начале 1224 года посетил Чингиз. Он переименовал её в Сорхах-Тани, а её мужа в Толюя.

По возвращении из похода у, ещё, Хатун был жёсткий разговор с мужем, ещё, Угэдэем. Разговаривали на татарском языке. Главный вопрос был житейским и не связан с военным походом:

– Почему ты со мной не спишь?

– Ты помнишь, как тебя назвал мальчик, в последний день чтения сказок? – начал издали хан Угэдэй.

– Помню хорошо. Он назвал меня «Борина», за что я дала ему затрещину. Ну и что?

– Меня есть друг Борис, которого я называю «Боря». Борина – значит принадлежащая Боре. Борис Любил молоденьких, а я только таких, как ты сейчас. Вы были бы прекрасной парой.

– Это уже интересно! У тебя есть друг, а ты ни разу не съездил к нему и не пригласил его в гости! Так у порядочных людей не бывает. Ты в своём походе был далеко от Бориса? Ты с ним виделся?

– Был недалеко, но не виделся.

– Почему? Интересно знать.

– Борис служит у Попа Ивана, твоего первого попечителя. Тот его держит около себя как ближайшего помощника и не отпускает далеко. Без разрешения Попа Ивана и мне нельзя посещать Бориса.

– А зачем Поп Иван послал тебя сюда? – жена решила выяснить всё.

– Завоевать для себя Китай. Это будет мне наградой за верную службу.

– Где находится Китай?

– Где то здесь, но он называется по-другому. Китаем эту страну назвал Борис.

– Что знаешь об армии Императора Китая?

– Ничего. А что в Китае есть Император?

– Есть? А что делает Император с побеждёнными.

– Не знаю, но думаю, что он берёт их в рабство. Разве не так?

– Нет. Он приказывает всех убить. Рабов у него очень много своих.

– Ты знаешь, что я Подданная Императора Китая? И далеко не рядовая?

– Не знал. Вот почему ты такая богатая!

– Ты знаешь, что в случае твоей победы ты станешь Императором, а я Императрицей.

Но в силу законов, о которых ты не имеешь представления, мне будет принадлежать вся власть в Китае, а тебе только во дворце Императора?

– Рад за тебя. С твоей помощью постараюсь одолеть армию Императора.

– Нет уж. Мне не хочется рисковать своей головой. Я уеду до того как ты начнёшь свою авантюру. Победишь – тогда вернусь.

– Куда ты решила уехать и когда. Я начну поход на Китай после получения приказа от Попа Ивана.

– Врешь! Приказ тебе отдаст какой-то Батый, который приедет к тебе через 3 года.

– Это мой сын. И я не хотел...

– показать, что сын будет командовать отцом? – закончила жена его мысль.

– Да. Откуда ты всё это узнала?

– От Чингисхана. Он был здесь месяц назад.

Хатун передала все сведения, полученные от Чингиза и его совет сменить их имена на «хан Толуй» и «Сорхах-Тани». Попросила перевести ей эти монгольские слова.

– Не знаю, спрошу у Бориса, если с ним увижусь. Он хорошо выучил язык Чингисхана, а я нет.

Хан Толуй лукавил. Своё новое имя он не понимал, а новое имя жены должен был понимать. Чингиз знал о ревности татар и словами «сорхах тани» сообщил, что верен другой женщине, разумеется Бортэ.

Затем разговор переключился на хана Батыя.

– Батый станет Императором Китая после твоей смерти, а я этого не хочу!

– А что мне сделать, чтобы воспрепятствовать этому?

– Отрекись от Батыя. Ты ведь Толуй, а не Субдэй-Угэдэй.

– Отрекаюсь. У хана Толуя нет сына.

– Я хочу подарить сына хану Толую, – заявила Сорхах-Тани. Воспитаю и расскажу ему, как победить армию Императора. С этой целью я уеду с Батыем подальше от своих соотечественников.

– Согласен, – просто ответил муж.

Уже в 1225 году у них родился сын, которого Сорхах-Тани назвала Улагчи (ты – сын). В конце 1227 года в тартарский Хара-Хорин прибыл Батый. Хан Толуй встретил его сдержанно и оставил Батыя за себя в своей армии, а сам выехал к себе во дворец, чтобы сообщить жене новость и узнать её окончательное решение.

План Сорхах-Тани

Сорхах-Тани приняла план действий. Пару месяцев Батый будет знакомиться с армией, а потом Толуй едет за Батыем, приводит его во дворец, знакомит с женой Борахчин-Хатун и уезжает в свою армию. Через 9 лет она с Батыем выезжает в его ханство. На отвороте она задерживается, а Батый едет к хану Толую, чтобы лично отдать приказ начать военную кампанию против Китая. Затем он увозит её с её сыном к себе на родину, а хан Толуй ждёт, когда придёт *Улагчи* под именем *Хубилай* (я – сын), передаст ему свою армию, а сам вернётся в свой замок в ожидании хороших или плохих вестей. Она его не забудет и обязательно вернётся к нему.

План вытекал из её предыдущего предложения, на которое Толуй дал согласие. Он высказал своё восхищение её способностям, чего за ним никогда не водилось – ранее он был невысокого мнения о способностях женщин в политической дипломатии. Муж и жена через пару месяцев расстались надолго, с тайной надеждой продолжить их запоздалую и короткую любовь.

В ставку хана Батыя Борахчин-Хатун вывезла только часть своих сокровищ, оставив остальное мужу. По прибытию в своё ханство, Батый поставил вопрос о дне объявления Свадьбы, на что получил неожиданный ответ:

– После получения благословления на союз с тобой.

– Хорошо, я выеду завтра в обратный путь. Скажи, где живут твои родители?

– Не знаю. Меня выкрал Поп Иван в детстве, и я больше их никогда не видела.

Благословление может дать твой учитель Борис, которого рекомендовал мне Чингисхан, как опытного и честного в таких делах.

– Это больше мне подходит, тем более, что пришла пора ехать в Москву, где меня будет короновать брат Бориса князь Юрий Всеволодович. Что сделать до начала похода в Москву.

– Выстрой дворец на мои деньги на пограничной реке с русскими княжествами.

– Задание не сложное. Пока буду в походе, строители возведут *Сарай* на берегу Волги. Туда перенесу свою столицу. В каком месте начать строительство?

– Пойдешь в поход – захвати меня и строителей. Я сама хочу выбрать место для дворца, а ты поезжай в поход и приведи живого Бориса. Мёртвый Борис мне не нужен, и замуж за тебя я не пойду.

Пока Батый гонялся за Борисом по всем *славянским княжествам и государствам*, Борахчин-Хатун выстроила замок, в котором установила свои порядки. Денег было достаточно – даже выписала талантливого художника, который подарил нам образы Борахчин-Хатун и Улугчи, изобразив привод сына к матери для проведения очередного урока.

Миниатюра находится в Приложении ко второму очерку – «Двойник Чингисхана».

Более 5 лет погони за неуловимым Борисом не увенчались успехом и в 1242 году хан Батый вернулся в Сарай и заявил невесте:

– Подожду, когда Борис осядет на каком-нибудь месте и прибуду к нему без войска. Все русские князья признали свою зависимость от улуса Джучи и моё право на выдачу *ярлыка*, дающего право выбранному мной князю верховодить над всеми остальными. Теперь мне можно будет безопасно перемещаться по славянским землям.

Ждать пришлось не долго – не прошло и года, как Батый получил от Огуль-Гаймиш письмо, адресованное племяннику Бориса Александру Невскому. Письмо хан Батый не передал великому князю, а сообщил устно, что есть ему достойная пара. После прибытия Александра Невского отправил того в Кара-Корум по Дороге.

Батый явился во дворец невесты и сообщил:

– Пока я искал Бориса у славян, тот прибыл в Сарай Шык, прежнюю столицу улуса Джучи и оттуда уехал к своей жене Угуль-Гаймиш, которая прячется от всех в пустыне Кара-Корум. И всё потому, что сучка подменила твою записку к Борису, написанную в Хара-Хорине, другой – от моего отца и тот помчался к моему отцу, а не к тебе.

– Я пошлю своего человека к Гусиному народу, который будет сообщать о появлении там и Бориса и сучки.

Невеста по-своему поддержала Батыя:

– Выдели из своих верноподданных несколько сотен воинов для моего сына Улагчи, отдай ему всех пленных европейцев, а я отдам ему все оставшиеся мои монеты. Сыну исполняется 18 лет и пора ему начинать самостоятельную жизнь. Пусть сын в пустыне Кара-Корум подыщет себе место, обустроит ставку хана, а затем соорудит крепость Кара-Корум. Чтобы он чувствовал себя независимым от нас, даю ему имя *Мунке*. Если у тебя возникнет необходимость применить силу против сучки Огуль, то сможешь воспользоваться воинами Мунке.

Идея понравилась Батыю настолько, что он не стал ограничивать число желающих служить хану Мунке. Многие, участвовавшие в походах Батыя изъявили такое желание, особенно после того, как узнали, что сокровища китаянки уезжают в Кара-Корум. Главной приманкой для Батыя было удаление Улагчи с глаз долой, что, в случае женитьбы на Борахчин-Хатун, решало неразрешимую проблему *усыновления своего брата*.

Предложение Борахчин-Хатун не было столь хорошим для хана Батыя, если исходить из того, что невеста не собиралась выходить замуж за него. Она решила бежать. Но бежать с

сыном и с мешками монет нет смысла, а поэтому, сначала надо было помочь сыну оказаться ближе к месту его основной деятельности. На китайском языке она дала наказ:

– Мы расстанемся. Я тебя научила всему, что надо знать, чтобы основать новую династию в Поднебесной и по частям покорить всю Цайну. Ты получил воинов от Батыя, а от меня все оставшиеся деньги. Обоснуйся в Кара-Коруме и подчини себе всех, там проживающих. Построй христианскую церковь, может слух о ней привлечёт внимание Бориса – он христианин.

– Твоё имя будет *Мунке* – так раньше твой отец называл мои деньги. Если он услышит это имя, то найдёт тебя. Но ты не сиди, сложа руки – ищи армию хана Толуя. Место скрытое, и я там не была. Твой отец называл долину, в которой она находится, *другим Хара-Хорином*. Долина расположена между монгольским кочевьем и пустыней Кара-Корум. Помни всегда, что ни при каких условиях ни ты, ни твои воины не должны заходить на территорию Монголии. Все остальные проблемы решай сам. Не подчиняйся ни кому – ты же сын хана Толуя, потомок великого Чингисхана и будущий Император Поднебесной!

– А как я определю, где граница, через которую мне нельзя переходить?

– По форме юрт. Юрты Чингисхана приземистые, все одинаковые и вход направлен на юг – я тебе об этом рассказывала.

– Этот разговор секретный. Помни, что найдя армию, ты меняешь свой имя на Хубилай, если отца не застанешь в живых.

– Это ты говорила много раз. Я должен буду доказать, что я сын своего отца.

После торжественного отъезда 18-летнего хана Улагчи-Мунке-Хубилая. Буквально на следующий год в Сарае объявился первые западные миссионеры Карпини с Бенедиктом. У Батыя появился шанс сделать приятный поступок для будущей жены, и он посылает Карпини к новоиспеченному хану Мунке по Дороге. Встреча Карпини и Мунке произвела на обоих неизгладимое впечатление, особенно на последнего. Доказательством такого заявления служит тот факт, что первому городу, основанному ханом Хубилаем на первом завоёванном участке Китая, и превращённым им в столицу, он дал название *Кайпин*.

Незадолго до визита Карпини человек Батыя сообщил, что заезжала ненадолго Гусыня, взяла какие-то бумаги и умчалась в неизвестном направлении. Ему велено было ждать и сообщить о появлении Гусыни, когда она там осядет.

Гибель хана Толуя, Угуль-Гаймиш, хана Батыя и Сорхах-Тани

В 1249 году разведчик сообщил, что в Хара -Хорине прошлым годом в бою погиб хан Угэдей – отец Батыя. На самом деле китайцы прозевали отъезд знаменитого полководца Александра Невского, который не стал заезжать в тартарский Хара-Хорин, и повара - разведчики приняли решение не рисковать, и обезглавили, потенциально опасную армию.

В начале 1251 года пришло сообщение, что прибыла Гусыня и отлучаться не собирается. Обрадованный хан Батый сообщил Борахчин-Хатун:

– В Кара-Коруме объявилась жена Бориса, а значит скоро приедет и Борис.

– Наконец-то появилась надежда повидаться с Борисом, – порадовалась и китайская уйгурка, отправляя Батыя в 1251 году в Кара-Корум.

Батый прибыл в Кара-Корум и поинтересовался, почему Угуль-Гаймиш отвергла Александра Невского и где она с ним встречалась.

– Была у Бориса в Хара-Хорине. Туда и прибыл Александр, но он оказался плохо воспитанным и получил от ворот поворот. Оттуда мы разъехались в разные стороны – каждый своей дорогой.

– Куда уехал Борис?

– Он мне не доложил.

– Какие бумаги ты передала Борису?

– Тебя это не касается.

– Напиши Борису письмо, чтобы он приехал сюда с Золотой книгой Джучи...

– И не подумаю, – перебила Угуль.

– Даю срок один год. Если Борис не явится, то сожгу тебя как ведьму. Приговор такой тебе был, и я приведу его в исполнение, – заявил взбешенный неудачей хан Батый.

Огуль замолчала. Такой приговор действительно был, а гусиный народ не мог защитить свою Гусыню – Батый неизвестно откуда привёл с собой солидный отряд преданных ему воинов.

В 1252 году Огуль-Гаймиш была сожжена на глазах своих подданных.

Вернувшись в Сарай, он заявил:

– Угуль-Гаймиш возомнила из себя правительницей самого сильного государства и решила установить свои порядки даже в чужих странах. Она вызвала Ярослава, брата Бориса, и отравила его. Гибель моего отца не случайна. Там где объявляется эта ведьма – гибнут люди.

– Смерть моей матери тоже на её совести. Она называла людей, которые знают тайну гибели моей матери – но те не знают. Когда она прощалась со мной в детстве, то сказала по-русски «помяни меня», значит, она знала, что ей будет, когда её разоблачат.

– Она даже от Короля Франции потребовала платить ей ежегодную дань.

– Я ей дал срок год, чтобы она вызвала Бориса, а она ответила: «И не подумаю». Я год прождал и казнил её.

– Правильно сделал. Собаке – собачья смерть. Теперь ничто не должно помешать твоей встречи с Борисом. Не век же ему скрываться от тебя.

– А если он не захочет меня увидеть?

– Подождём ещё 5 лет. Если за это время Борис не даст о себе знать, то поженимся. Можешь всем своим подданным объявить день свадьбы.

– А государство суки Гаймиш ликвидирует Мунке – напиши ему мой приказ.

Неоправданное отодвигание дня свадьбы сильно повлияло на Батыя. Обдумав её поведение с момента прибытия в Сарай, он пришёл к выводу, что невеста хочет сбежать, и он решил усилить слежку за Борахчин-Хатун.

Не поднял настроения и новый визитёр Рубрук, появившийся в Сарае в 1253 году. Батый не захотел вступать в переговоры, а послал того к Мунке по дороге, которой пользовались татары, пристраивающиеся к кыпчакским (половецким) переселенцам. В обратном направлении Рубрук ехал по кратчайшей Дороге.

Борахчин-Хатун часто выезжала побродить по окрестностям Сарая в сопровождении пары слуг – остальных передала сыну. Иногда с несколькими ночёвками, если позволяла погода. В таких случаях и хан Батый исчезал из дворца, возвращаясь на день – другой позже невесты, чтобы избежать упрёка в слежке. Однажды осенью 1255 года Батый долго не возвращался из своей слежки. Невеста забеспокоилась и подняла тревогу. Сначала слуги, а потом и весь город Сарай выехал на поиски хана Батыя. Тщетно. Только тогда, когда весной следующего года вскрылась Ахтуба (протока Волги) в ней нашли труп хана Батыя заколотого ножом в сердце.

Сарай вновь захлестнули политические интриги: кто займёт освободившееся место.

Кандидатуру китаянки не обсуждали – она так и не стала женой хана Батыя, да и солидного богатства у неё уже не было. Борахчин-Хатун решила, что о ней забыли и тайком села на судно, шедшее в Персию. Но за ней следили по другой, более веской причине – её негласно подозревали в организации убийства хана Батыя, и побег был оценён как неоспоримое доказательство её вины. Татары снарядили корабль и схватили беглянку в Персии. Мусульманский суд решил, что Борахчин–Хатун преступница и казнил забиванием камнями.

Хан Мунке прочно обосновался в Кара-Коруме – помогли, главным образом, деньги матери. Гусиный народ частично перешёл к нему на службу, частично уехал на реки Кума, то есть, на Кавказ и в Западную Сибирь, частично в улус Джучи. Гидеон, оставшийся за главу клана, выехал в Сарай, чтобы выполнить последнее решение кумавьёв – *воткнуть перо* в хана Батыя, естественно не гусиное. Место, где Батыя можно было застать врасплох, подсказала ему Сорхах-Тани.

Реализация плана Сорхах-Тани

В районе 1257 года, хан Мунке обнаружил долину, в которой обосновалась армия Толуя. Её легко было отыскать со стороны Монголии – туда ездили женщины, но Мунке старался не приближаться к запретной зоне, а поэтому потерял много времени. Скопление народа трудно было назвать армией – люди позабыли о цели своего тайного существования. Ни о каких походах они и знать не желали, поскольку командовать ими мог только хан Толуй, а тот 9 лет назад погиб в какой-то стычке неизвестно в каком месте.

Хан Толуй часто уезжал в Хара-Хорин, где был начальником тюрьмы под именем хана Угэдэя. Такое раздвоение личности объяснялось договорённостью Чигиза с Китайской стороной о мире навеки между его кочевьем и Поднебесной. Монголы слышали о хане Толуе, проживающем где-то *за пределами их кочевья*, а поэтому не могли нести ответственность за иностранца не числящегося у них.

Обнаружив армию Толуя, Мунке послал туда своих китайских слуг, чтобы те подружились с китайцами, выяснили, кто кому подчиняется, и добыли другие сведения, типичные для разведчиков в такой ситуации. Получив эти сведения, Толуй закрепил за каждым китайцем, работающим на Императора Цайны несколько своих слуг, приказав им не останавливаться и перед убийством поднадзорного, если тот попытается доложить о новой ситуации в армии не получив одобрения нового Императора хана Хубилая. Следующим поручением было распространение «секретных сведений» о скором появлении богатого, справедливого, милосердного, щедрого и т.д. основателя новой династии *Юань и требование перейти к нему на службу*. Ответы были разные – от *поживём – увидим* до угрозы *сообщить куда следует*. Пару самых несговорчивых поваров зарезали, и через день объявился в долине хан Хубилай во всём своём великолепии, то есть с атрибутами власти в виде хищных птиц, и наряженной свиты. Первым делом он собрал всех китайцев и приказал им поклясться в верности новому Императору Поднебесной. Чтобы новые подданные не вздумали вести двойную игру, Император сообщил, что отступники будут наказаны, как уже наказано по его приказу несколько человек для острастки. Новые подданные в своих мыслях решили не торопиться с окончательным решением, а подождать, когда армия признает нового начальника, решив дать бой Хубилаю на этом поприще.

Когда Хубилай на собрании командиров всех отрядов объявил кто он и что ему надо, то нашлось несколько татарских сынов хана Толуя, которые предъявили свои права на

армию Толуя, заявив, что ни о каком Хубилае они не слышали. Хубилай предложил каждому вспомнить все доказательства своего родства с Толуем и через месяц выяснить правду на авторитетном суде с помощью перекрёстного допроса. Идея была принята, и через месяц количество претендентов уменьшилось – каждый старался вспомнить об отце такое, о чём опрашиваемый не знал. Около года длилось состязание, пока не осталось двое. Этот поединок Хубилай выиграл быстро и с блеском. Он первым задавал вопрос и спросил у татарина, что означают имена Холуй и Хубилай и на каком языке хан Холуй разговаривал с ним, с его сыном. Некоторые судьи знали монгольский язык и заявили, что люди с такими именами могли разговаривать на монгольском языке. Для проверки они побеседовали на этом языке с Императором и сообщили, что их из тюрьмы освободил хан Угэдэй, который здесь носил имя Толуй. Они сразу бы перешли на сторону Хубилая, но боялись мести поваров. Хубилай сообщил им на их языке, что все повара перешли на его сторону, мести не будут, а монголам он найдёт занятие в этой долине – в поход на Цайну он их не поведёт.

Самым трудным и дорогим делом оказалось создание с помощью поваров «пятой колонны» в Поднебесной. Подкуп и шантаж чиновников династии Цин дорого доставался, но овчинка стоила выделки. Зато появление конницы хана Хубилая всегда было не там, где ожидалось военными начальниками соперничающей армии.

План матери Хубилая был исполнен с минимальными потерями. Хубилай перевёл столицу из Кайпина в Пекин и занял Дворец свергнутого Императора. Он подчинился старому укладу жизни китайских Императоров, по которой все контакты и решения Императора осуществлялись многочисленными чиновниками Двора Императора – даже выход за пределы своего Дворца требовал согласования. Ему доставлялись невесты при его желании, но из подготовленных его Дворовыми опекунами. Некоторым невестам удавалось завоевать сердце Императора, и они становились Императрицами, которые получали всю полноту власти на своей территории, создавая или продолжая свою *династию*. Императрицы имели и свои армии. Императриц было несколько, и они навещали своего мужа, задерживаясь во Дворце Императора ровно на 2 года, если судить по смыслу слова *династия*. Жена старалась забеременеть мальчиком, чтобы иметь кандидата в Императоры от своей династии; добивалась от мужа каких-то льгот для своей династии и (или) для конкретных людей; могла получить в своё подчинение армию Императора на 2 года для решения территориальных вопросов с другой Императрицей. Да мало ли какие идеи могли придти на ум властолюбивым Императрицам.

Императрицей северной области Китая стала монголка из самой богатой монгольской семьи Внутренней китайской Монголии, поэтому династию Юань, основанную Хубилаем, стали называть Монгольской династией Юань. Хубилаю удалось долго не заводить второй жены, отвергая ласки всех претенденток из длинного списка невест. Это, а возможно и то обстоятельство, что уйгуры не получили уравнивания в правах, явилось причиной преждевременной смерти Императора Хубилая. Скорее всего, он был отравлен.

Почему же Сорхах-Тани не наказала своему сыну дать привилегию своему народу, да и Чингисхан не сообщил, для чего девочке было дано невиданное приданное?

Борахчин-Хатун не знала, что она уйгурка, её родители терпеливо ждали дня помолвки Баоо с Чингисханом, Чингисхан обещал не вмешиваться в отношения уйгуров с Поднебесной, а многочисленные родственники, посещавшие жену хана Толуя, подолгу беседовали с хозяйкой замка, исподволь интересуясь её сведениями об уйгурах и их проблемах. Борахчин-Хатун ничего этого не знала, не владела языком уйгур и избежала преждевременной смерти.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Словарь выделенных слов

- Архитекторы** – сложное слово, с перестановкой. Дословно: *те которые архи*. Означает: те, которые пьют **архи** (водку).
- Династия** – образовано от *ди* (два) + **наст** (год в дат. падеже). Переводится: для двух лет.
- Отчоо** – возвратное от **оточ** (ветеринар) и от *отч* Угэдэй не знал слова **оточ** и решил что оно другой вариант прочтения *отчо*. В принципе он был прав. Он не знал русского слова мачеха, но знал другое слово отчим, от которого образовал новое слово *отчоо*, решив что Бортэ сообразительная и поймёт его как *отчим в женском роде*. Бортэ анализируя их диалог через продолжительное время поняла, что имел ввиду Угэдэй и доложила словосочетанием южнорусского говора – *от чо!* (вот что!).
- Кайпин** – китайское прочтение слова *карпин* (Карпини).
- Каторга** – татарское прочтение слова *хат-ар-га* имеет русский корень *хат*. Переводится: делающие, чтобы делать хаты, или лесоповал. Отсебятина Марии – в Монголии нет и не было каторжан.
- Краля** – Мария приучила Попа Ивана называть свою «дочь» красивым словом *краля*. Он не подозревал, что оно образовано от *крал я*.
- Малазия** – образовано от **мал-ази** (мелкий скот-счастье).
- Мунке – образовано от трудно произносимого слова **мөнгөө** (монеты, мэнга).
- Толуй** – означает далёкий. От монгольского слова **хол** (далеко) Борис образовал слово холуй и ввёл его в русский язык, придав слову современный смысл. Этим словом он наградил друга, который был далеко от него. Чингиз осуществил «награждение», но изменил первую букву из этических соображений.
- Уу мораа** (напой своего коня) – необязательная фраза. Она означала, что путник отдаёт коня и просит другого, который знает дорогу до следующей юрты. Можно было молча отдать своего коня. Хозяин всё равно обменял бы – это входило в его обязанности.
- Цайна** – русифицированное название Китая. Чингиз называл Китай понятийным словом **ца**. По понятийным словам нельзя определить о чём идёт речь – надо просто знать, но от понятийного слова можно образовывать новые слова, используя склонение существительных: **цай** (чай), **цас** (снег), **цаас** (бумага), **цагаан** (белый). Чтобы добавить новые слова в монгольский язык, надо по уже имеющимся словам догадаться о *характере* понятийного слова. Бортэ не смогла по этим четырём словам понять понятийное слово **ца** и с досады ввела в монгольский язык слово **ца** (да), нарушив логику словообразования. Чингизу пришлось воспользоваться русским суффиксом *-н*. Это слово как то перешло в слово China (Китай), которое читается *Хина* у немцев и *Чайна* у англичан.
- Язва** – типичное для Бортэ слово-ребус. Мария была самокритична, но неприятные для себя выводы зашифровывала. Расшифровка: *яз-в-а* – язва; секрет в том, что надо *яз-в-а* читать с конца: *а в яз* – «язва». Если *а* подставить в *яз* получим: *аз* – язва. Старославянское *аз* означает я. Окончательно: *я* – язва.
- Яс** – кость. Образовано от сокращения *я-с* (я, сударь) – при ответе на вопрос типа: «кто виноват?». Этот ребус разгадали спустя несколько столетий и ввели в русскую речь.